DOI: 10.17976/jpps/2022.05.10

РОССИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА СТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

Ш.Ш. Шахалилов

ШАХАЛИЛОВ Шамансур Шахалилович, доктор исторических наук, профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: Timur7628@mail.ru

Шахалилов Ш.Ш. 2022. Россия: изменение порядка становления мировой державы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 137-150. https://doi.org/10.17976/2022.05.10

Статья поступила в редакцию: 06.06.2021. Принята к публикации: 25.03.2022

Аннотация. Кризис либерального порядка вызвал обострение геополитического противоборства держав из-за нежелания США и их союзников терять свои доминирующие позиции в мире. Они усиливают политическое, экономическое и информационное давление на поднимающиеся государства, претендующие на статус новых полюсов силы, наращивают свою военную мощь, приближают инфраструктуру НАТО и других военных альянсов к их границам. Все это увеличивает опасность перерастания соперничества государств в глобальную войну. Угроза такого конфликта будет возрастать по мере ослабления влияния единственной супердержавы на международной арене, что может усилить искушение одним ударом устранить соперников, пока сохраняется ее преобладание в военной сфере. В статье подчеркивается, что единственным способом недопущения подобного катастрофического сценария развития событий является восстановление стратегического баланса сил, нарушенного после холодной войны в пользу коллективного Запада. Решение такой задачи под силу немногим государствам, среди которых особое место занимает Россия. Подвергается критике либеральный тезис о первичности экономической мощи в процессе превращения России во влиятельного игрока. Раскрывается роль военной мощи в поддержании ее национальной безопасности, обретении статуса мировой военной державы, способной восстановить стратегический баланс на международной арене. На основе анализа результатов реформирования российских вооруженных сил, модернизации систем стратегической обороны формулируется вывод о принципиальном изменении Россией традиционного порядка обретения государствами статуса мировой державы. Она создает прецедент, который, возможно, позволит ускорить трансформацию однополярного порядка в более справедливую многополярную модель мирового устройства. В статье раскрываются особенности российского подхода к сдерживанию военной мощи единственной супердержавы путем использования метода асимметричного балансирования.

Ключевые слова: асимметричное балансирование, военная мощь, геополитические интересы, либеральный однополярный порядок, международная безопасность, мировая держава, многополярность.

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОРЯДКА И РОЛЬ ВОЕННОГО ФАКТОРА

Главным изменением в мире после окончания холодной войны стало распространение либерального порядка, существовавшего на Западе, на остальную часть планеты. Его сторонники утверждают, что это привело к изменению природы международной системы, для которой теперь характерен отказ от баланса силы, разделяющего государства, объединение их усилий

для поддержания мира. Исходя из либерального постулата "демократии не воюют друг с другом", были сделаны выводы о существенном уменьшении роли военного фактора, выходе на передний план экономической взаимозависимости государств.

Однако либеральный интернациональный порядок (ЛИП) не принес странам обещанных политических и экономических выгод. Не сбылись предсказания об экономическом процветании государств, их превращении в демократии по западному образцу, добровольной передаче ими своих суверенитетов международным институтам, складывании постнациональной системы государств. Все это свидетельствует о системном кризисе ЛИП [Шахалилов 2020].

Неолиберальный проект устройства современного мира изначально содержал не вполне корректные установки, проявляющиеся при его реализации, в частности, в неуважительном отношении к суверенитету государств, национальной идентичности их населения [Mearsheimer 2019: 8]. Запад вмешивается во внутренние дела государств под предлогом защиты демократии и прав личности. Между 1992 и 2017 гг. США участвовали в 188 военных интервенциях в различных регионах мира. Обоснования для нарушений суверенитета государств черпались из теорий демократического мира, демократического транзита и ответственности защищать демократию [Nye 2019: 69].

Одна из причин такого подхода к чувствительным для народов вопросам в том, что на Западе стали рассматривать национализм в качестве искусственной конструкции, которую используют антидемократические силы для манипулирования общественным мнением [Lieven 2017]. Это вело к игнорированию национальных интересов государств, что, в свою очередь, вызывало их жесткое противодействие. В результате происходила "ренационализация мировой политики" [Кувалдин 2021: 12].

Претензии либерализма на транснациональную природу своих идеалов угрожают национальным традициям, ценностям, представлениям народов о разумном устройстве окружающего мира. Поэтому востребованными оказались сильные национальные государства, способные отстаивать не только суверенитет, но и национальную идентичность от посягательств доминирующего Запада. Таким образом, совокупность реалистических и националистических мотивов привела к росту сопротивления народов незападного мира либеральному порядку [Mearsheimer 2019: 34].

Подъем националистических настроений происходит не только в незападных странах. Негативные последствия глобализации "реинкарнируют" национализм и в самих странах Запада: в США и Европе он проявляется в острой реакции населения на глобалистскую политику элит, результатом которой становится падение его уровня жизни, быстрый рост неравенства в доходах. Нарастают симптомы столкновения мира с геополитическим, социально-экономическим и духовным кризисом, спровоцированным неолиберальной глобализацией, продвигаемой Западом [Lieven 2017].

Кризис либеральной модели создает угрозу утраты единственным полюсом силы своих доминирующих позиций в мире. Однако американцы создавали глобальный порядок не для того, чтобы делиться властью с кем бы то ни было. Поэтому они усиливают защиту его норм и институтов от угрозы авторитаризма [Ikenberry 2017: 6]. Непредсказуемость ситуации вынуждает политиков

и военных все чаще говорить о возможности международного военного конфликта (см., например, [Сучков, Тэк 2019: 4]).

В связи с этим возникает вопрос, как далеко могут пойти США в стремлении сохранить однополярный порядок? Скорее всего они будут руководствоваться либеральной формулой: если мир может стать безопасным, только будучи демократическим, тогда все средства хороши для достижения этой цели, включая войны [Waltz 2000: 12]. Пока США и их союзники используют отработанную в период холодной войны стратегию сдерживания противников, их ослабления путем всевозможных запретов, ограничений, изоляции. Но как они поведут себя в случае ее несрабатывания? На Западе все чаще говорят о необходимости более эффективных действий с целью сдерживания ревизионистских государств [Wright 2018].

На наш взгляд, вероятность применения Вашингтоном военной силы станет реальной при наличии двух условий: если будет сделан вывод об экзистенциальной угрозе национальной безопасности в результате трансформации ЛИП, а также при сохранении к этому моменту превосходства Америки в стратегических вооружениях. Критики такой точки зрения утверждают, что наличие ядерного оружия у противников США исключает возможность применения против них военной силы. Такой взгляд не учитывает наличия у американцев новейших видов оружия, способных обесценить ядерные потенциалы конкурентов.

Стремление западных держав не допустить дальнейшего демонтажа ЛИП ставит государства перед дилеммой: либо смириться с ролью их младших и системно зависимых партнеров, либо бороться за возможность проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. Первый путь вынужденно избрало большинство стран, по второму пути пошла Россия, потому и стала самым существенным и неотложным вызовом Западу [Munich... 2020].

Итак, *целью исследования* является раскрытие методов и средств, используемых Россией для обретения статуса мировой военной державы, способной защитить свою национальную безопасность в условиях доминирования коллективного Запада. Согласно *гипотезе исследования,* самым быстрым способом достижения искомого статуса является модернизация вооруженных сил страны.

Пониманию роли военного фактора в современных условиях помогает обращение к теории структурного реализма (неореализма), отражающей реальные процессы в международных отношениях. Ее основатель Кеннет Уолтс опровергает выводы неолибералов об изменении природы международной политики после холодной войны. Признавая такие перемены, как переход от биполярного мира к однополярному порядку, распространение демократии, усиление взаимозависимости государств, Уолтс приходит к заключению, что они не меняют структуры международной системы, основным элементом которой продолжают оставаться национальные государства, нацеленные на отстаивание своей безопасности и суверенитета [Waltz 2000: 10]. Эта система по-прежнему – арена их соперничества за выгодные позиции внутри нее, в ходе которого государства рассчитывают прежде всего на самих себя (*self-help*). Абсолютным приоритетом государств остается выживание. Один из путей достижения этой цели – наращивание военной мощи.

По мнению Уолтса, экономическая взаимозависимость государств не означает устранения их политического и военного соперничества, так как

сохраняются интересы безопасности. Поэтому взаимозависимость следует рассматривать не в экономическом смысле, а в терминах стратегической взаимозависимости, то есть безопасности [ibid.: 16].

Однополярный мировой порядок – самая "короткоживущая" модель системы, так как сдерживание претендентов на власть не может длиться бесконечно. Во-первых, доминирующая держава растрачивает ресурсы на решение непосильной задачи; во-вторых, другие государства, беспокоясь о своей безопасности, стремятся привести систему к балансу. Таким образом, тенденция балансирования возвращается. Балансирование – стратегия выживания, попытка сохранить автономный характер существования государства. Ее реализация зависит от воли и возможностей лидеров государств, готовых платить за это [ibid.: 37]. Но сторонники тезисов о демократическом мире не учитывают, что причины войн лежат не только в природе государств, но и внутри самой международной системы [ibid.: 13]. Поэтому навязывание либеральной политической системы другим государствам не гарантирует вечного мира. Таковы системные причины сохранения роли военного фактора в современных условиях, вытекающие из природы международных отношений.

Стремление единственного полюса силы задействовать все возможности для поддержания своего превосходства порождает сопротивление государств, интересы которых ущемляет гегемон. Одновременное действие двух противоположно направленных тенденций на сохранение и разрушение порядка существенно усиливает напряженность в международных отношениях, вынуждая стороны укреплять свою военную мощь.

Для стран, не принятых в клуб полноправных членов ЛИП, есть два способа поддержания своей безопасности: пассивный и деятельный. Оба имеют преимущества и ограничения. В первом случае государство признает военное доминирование супердержавы, что исключает для него политические и экономические риски в отношениях с ней. Плата за это – существенное ограничение национального суверенитета. Во втором – государство берет на себя организацию защиты от военных угроз, сохраняя суверенитет в вопросах национальной безопасности. Главный недостаток такой стратегии – опасность втягивания в противостояние с единственным полюсом силы.

Выбор того или иного способа защиты зависит от того, что представляется для страны наиболее существенным мотивом: *развитие* или *выживание*? Развитие, безусловно, предпочтительнее в ситуации, когда считается, что государству никто всерьез не угрожает. Если существуют реальные глобальные и региональные угрозы безопасности, тогда главным мотивом становится выживание.

Таким образом, военная мощь в рамках ЛИП обеспечивает достижение политических целей как с применением силы, так и без оного [Миронюк, Толокнев, Мальцев 2018]. Она усиливает переговорные позиции сильного в военном отношении государства, открывает рынки вооружений других стран, повышает авторитет страны в мире. Без своей огромной военной мощи США не обладали бы политическим и экономическим влиянием в мире, не смогли бы принудить сомневающихся сесть за стол переговоров [Inboden 2018].

ПОЧЕМУ РОССИЮ НЕ УСТРАИВАЕТ ЛИП?

Самый короткий ответ – в нем нет места для сильной, независимой, влиятельной России. Растущее давление правил и институтов функциониру-

ющего порядка вынудило руководство страны вернуться к консервативным политическим и социальным ценностям дома и на международной арене. Во внешней политике это проявилось в стремлении проводить классическую дипломатию великих держав. На Западе такой выбор объясняют внутренними императивами [Lo 2015], его фундаментальные мотивы обусловлены реалистической оценкой международной ситуации, когда стали очевидными системный кризис ЛИП, подъем незападных держав, сдвиг глобальной экономической мощи на Восток. Эти перемены открывают перспективы трансформации однополярного порядка в многополярную модель, на статус одного из полюсов которой претендует Россия. По характеру это будет постзападная система с центральной ролью ведущих держав. В российском видении многополярного мира эти державы являются не только полюсами силы, но также цивилизационными центрами, что противоречит концепции нелиберальной глобализации.

Заявив о неприемлемости либерального устройства мира, Россия вызвала на себя острую критику западных держав, переросшую в действия по принуждению ее руководства к отказу от выбранного курса. Западные аналитики, стремясь подорвать теоретическую основу российской концепции многополярного порядка, заявляют о ее нереализуемости, приводя в качестве аргументов расклад сил в пользу монополярности [Kofman 2018: 9], невозможность создать контрсупердержавный блок из-за различий в позициях ведущих государств [Ikenberry 2005: 142; Brooks, Wohlforth 2016].

Опираясь на теорию полярности, утверждается, что попытки подорвать военную мощь единственной супердержавы дорого обойдутся ревизионистам [Paul, Wirtz, Fortmann 2004: 3-4]. Вопреки классической теории транзита власти, рассматривающей историю как последовательную смену циклов подъема и упадка держав-гегемонов, либералы предпринимают попытку теоретически обосновать вывод об устойчивости однополярного порядка, ссылаясь на эволюционный характер развития современного мира [Ikenberry 2018: 18]. Они подвергают сомнению фундаментальное положение реалистов о балансе сил как важном факторе, сдерживающем военные конфликты держав. Более того, с опорой на теорию гегемонии заявляется, что войны возникают как раз при равенстве возможностей, а предотвращаются благодаря военному превосходству единственного полюса силы [Ikenberry, Mastanduno, Wohlforth 2009: 22]. При этом Москву обвиняют в подрыве лидерства США в мире, что требует усиления американского военного присутствия за границей [Mandelbaum 2019]. Активно продвигается мнение, что сдерживание России поможет избежать военного конфликта с ней [Russian Strategic... 2019], при этом предполагается, что конфликт интересов может быть разрешен или компромиссом, или войной [Kofman 2018: 8].

На этом фоне в российском академическом сообществе продолжаются дискуссии о целесообразности конфронтации с западным миром. Они получили новый импульс после принятия программы модернизации вооруженных сил страны. В ходе дебатов высказывались мнения о том, что внешняя военная угроза России беспрецедентно мала, в современном мире военный потенциал не имеет решающего значения как инструмент политики, как показатель силы и влияния государств, утверждалось, что с уходом идеологического противостояния не осталось политических разногласий, которые могли

бы привести Россию к военному столкновению с Западом, а экономическое ослабление угрожает эрозией суверенитета [Караганов 2012], подчеркивалось, что несоответствие статусу и международной роли, на которые претендует Россия, ослабляет ее позиции в мире [Арбатов 2013]. Звучали предложения сосредоточиться на налаживании сотрудничества с западными странами, получении реальной помощи от них в модернизации российской экономики [Миркин 2016].

Подобные взгляды, по нашему мнению, не учитывают того факта, что Россию не допустят к участию в управлении либеральным порядком, даже если она модернизирует свою экономику. В пользу этого вывода свидетельствует нынешнее положение новых центров экономического роста, выросших за пределами западного мира. Первоначально утверждалось, что их появление свидетельствует об ослаблении позиций Запада, смещении мировой мощи в Восточную Азию, что быстро растущие экономики превратятся в новые центры военной и политической силы. Однако вскоре стало ясно, что им будет сложно превратиться во влиятельные державы по двум причинам: из-за противодействия этому со стороны коллективного Запада, что наглядно демонстрируют США, оказывая растущее политическое и экономическое давление на Китай; и в связи с тем, что экономические достижения не приведут к автоматическому усилению военной мощи из-за сложности их трансформации в военные возможности, так как для этого требуются новейшие военные технологии, которыми обладают считанные государства [Brooks, Wohlforth 2016].

Практика показывает, что США в состоянии нейтрализовать угрозы со стороны экономических конкурентов. К тому же большинство экономически продвинутых государств зависимы от них в поддержании своей безопасности. Но супердержава вынуждена считаться с военной силой государств, сопоставимой с ее возможностями. Военную мощь невозможно игнорировать, сделать вид, что она не представляет угрозу ее безопасности. Поэтому статус мировой военной державы был необходим России для выживания в обстановке нарастающих угроз ее национальной безопасности.

Именно *мотив выживания* сегодня – главный для России. Средством же выживания является балансирование военной мощи супердержавы в однополярном мире, позволяющее сохранить автономный способ жизни государства. Эта стратегия используется тогда, когда на кону стоят жизненные интересы государства [Waltz 2000: 38].

ИЗМЕНЕНИЕ РОССИЕЙ ПОРЯДКА ОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

Современные международные отношения дают свидетельства недостаточности одной только экономической мощи для обладания статусом великой державы. Например, Германия и Япония, будучи третьей и четвертой экономическими державами мира, не являются влиятельными геополитическими игроками на международной арене. Они доверили свою военную безопасность вооруженным силам США. Эта держава решает, что является угрозами их безопасности, какие вооружения размещать на их территории, в каких случаях задействовать их. Поэтому в военном отношении Германия и Япония – не суверенны. При населении в 83 миллиона жителей вооруженные силы Германии едва насчитывают 18 тысяч человек. То есть это страна без армии. Попытки Германии и Японии дипломатическими и экономическими методами по-

участвовать в урегулировании региональных конфликтов проваливаются. Подтверждается вывод о том, что даже экономически развитые государства, не озабоченные укреплением своей военной мощи, теряют существенную часть своего суверенитета, а значит и возможность оказывать политическое влияние в мире [The Importance of... 2018].

Как в таких условиях должна была действовать Россия, чтобы защитить свои интересы, отставая не только экономически, но по некоторым позициям и в военном плане? Казалось, логичным было бы заимствование опыта западных государств, достигших уровня мировых держав, поэтапно двигаясь следующим путем: накапливая экономическую мощь; переводя ее в военную силу; обретая тем самым политическое влияние на международной арене. Кстати, сегодня такую схему пытается использовать Китай. Этот путь можно назвать *обычным порядком возникновения полюса силы*.

Но современной России указанный порядок не подходил, ибо западные оппоненты не позволили бы ей превратиться в развитую экономическую державу. Они уже однажды помогли КНР в подъеме ее экономики в противовес Советскому Союзу, а после его развала – в надежде на то, что рыночная китайская экономика поспособствует переводу его социалистической политической системы на рельсы либеральной демократии. Этот весьма неудачный для них опыт является залогом того, что повторять подобные ошибки в отношениях с Москвой Запад не будет.

Тем не менее, в первое десятилетие нынешнего века предпринималась попытка вытянуть российскую экономику из кризиса, сосредоточив основные усилия и ресурсы на ее ключевой сфере, каковой считался топливно-энергетический комплекс. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008 г. и последствия грузино-осетинского конфликта вынудили сменить модель развития. Власти России осознали слабость позиций страны на международной арене, откуда исходили серьезные угрозы ее национальной безопасности.

Ответом на вызов стало направление ресурсов на развитие военной сферы, как это не раз имело место на протяжении непростой российской истории. Было принято политическое решение о приоритетном финансировании программы модернизации вооруженных сил страны, включавшей их перевод на профессиональную основу, формирование их современной структуры, перевооружение армии новейшими образцами техники, оружия, боеприпасов[1]. Программа перевооружения предусматривала первоочередное совершенствование стратегических вооружений и развертывание воздушно-космической обороны России с целью предупреждения глобальной угрозы, каковой является стремление США нарушить стратегический баланс военной мощи [Барабанов, Макиенко, Пухов 2012].

В результате выполнения программы перевооружения было создано принципиально новое гиперзвуковое, высокоточное, малоуязвимое оружие. Оно фактически обнуляет наступательные возможности супердержавы. При этом речь не идет об обязательном его применении, важно было показать противникам возможности этого оружия, чтобы умерить их воинственный пыл[2].

[1] Герасимов В. Векторы развития военной стратегии. *Красная Звезда,* 04.03.2019. http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii (accessed 06.07.2022).

[2] Там же.

Несмотря на ограниченные возможности российской экономики, удалось осуществить успешную модернизацию вооруженных сил страны.

То, что было сделано Россией, можно назвать *изменением обычного порядка обретения статуса мировой державы*. Его суть заключается в следующем: вначале стать мировой военной державой; за счет этого обрести политический вес в мире; на этой основе создать благоприятные внешние условия для экономического развития страны.

Пойдя собственным путем, Россия проигнорировала либеральную догму о первичности экономики и тем самым избежала ловушки, в которую попал Китай, не сумевший добиться признания своих геополитических интересов со стороны Запада, даже став второй экономической державой мира. Используя традиционную западную схему, Россия потратила бы много времени, чтобы нарастить свою экономическую мощь, а затем перевести ее в военные возможности. Неизвестно, каким к тому времени стал бы мир и какое место в нем занимала бы Россия. Сама жизнь подсказала наиболее быстрый способ принуждения Запада признать новый статус России [Renz 2016].

Модернизация вооруженных сил России оказалась успешной благодаря продвинутым военным технологиям, качественному кадровому потенциалу ОПК, экономике, выдержавшей военные расходы, несмотря на все имеющиеся проблемы, выбранной модели обновления российской армии, нацеленной на максимально эффективное использование выделенных ресурсов. Политическое руководство проявило волю и решимость в проведении в жизнь программы модернизации армии, осуществляло жесткий и постоянный контроль за выполнением поставленных задач.

Западные специалисты по вопросу о роли современной военной мощи используют различные критерии определения того, является страна мировой военной державой или нет. В ряду этих критериев способность вооруженных сил защищать национальные интересы, осуществлять военные операции в различных регионах мира в течение длительного времени, обладать наземными, воздушными и морскими носителями стратегических наступательных вооружений, кибервозможностями, опытом недавних военных действий [Giegerich, Childs, Hackett 2018; Katz 2018]. Всем перечисленным требованиям отвечает модернизированная российская армия.

АСИММЕТРИЧНОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ

История международных отношений знает примеры, когда слабое государство вынуждало сильного противника считаться со своими интересами путем концентрации ресурсов в военной сфере. Например, подобным способом небольшая по территории и населению Пруссия смогла противостоять в войнах XVIII в. таким державам, как Австрия, Россия, Франция.

В XXI в. преимущество супердержавы столь велико, что малым странам не под силу балансирование ее военной мощи. Это сложно даже крупным, экономически продвинутым державам. К примеру, Индия, Китай ускоренными темпами наращивают свою военную мощь в надежде сравняться с США, но их технологическое отставание затрудняет достижение этой цели.

Поэтому на Западе не верили в способность отсталой экономически России превратить свою армию в одну из самых современных в мире. Согласно либеральному взгляду, государство может претендовать на статус

мировой державы, способной обеспечить свой суверенитет, только при наличии у него процветающей экономики [Nye 2011]. Когда же успехи России в модернизации военного потенциала стали очевидными, их объяснили чрезвычайным перенапряжением сил, привлечением практически всех имеющихся средств в оборонную сферу. Из этого был сделан вывод, что оставшихся экономических ресурсов хватит максимум на несколько лет, а затем Россия проиграет гонку вооружений.

Пессимистические прогнозы западных аналитиков основывались на уверенности в том, что российское руководство повторит печальный опыт Советского Союза, ввязавшегося в полномасштабную гонку вооружений с Западом. Однако Россия выбрала иной способ укрепления своей обороноспособности, который оказался гораздо менее затратным. Он называется *асимметричным балансированием* военной мощи супердержавы.

В западной литературе асимметричное балансирование рассматривается как усилия национальных государств по сдерживанию угроз, исходящих от субнациональных акторов, таких, как террористические организации, незаконные боевые формирования. Этот термин применяют также для характеристики отношений между несопоставимыми по силе и статусу противниками, когда слабая сторона способна нанести серьезный ущерб сильному игроку [Paul, Wirtz, Fortmann 2004: 3].

В нашем исследовании асимметричное балансирование не оценивается как способ нанесения болезненного ущерба супердержаве со стороны слабого по сравнению с ней государства, так как не может изменить расклада сил между указанными сторонами. Поэтому такой способ не представляет ни научного, ни практического интереса. Асимметричное балансирование рассматривается нами как *восстановление Россией военно-стратегического баланса сил в мире путем выделения на решение этой задачи на порядок меньше средств, чем расходуют западные страны на поддержание своей военной мощи*.

Своевременно осознав растущую роль в современных условиях технологического фактора в укреплении военной мощи государств, Россия задействовала свои продвинутые технологии в оборонной сфере для нейтрализации стратегических угроз, исходящих от США и их союзников. Это позволило ей избежать обременительной гонки вооружений, сделав ставку не на количество военнослужащих, военной техники и вооружений, а на их качество. Задействовав такие свои преимущества, как наука, ноу-хау, инженерно-технические кадры ОПК, Россия сумела компенсировать слабости в других областях.

Суть асимметричного ответа России на военную мощь Запада сводится к следующему. Во-первых, созданы *компактные* вооруженные силы постоянной боевой готовности, способные отражать как стратегические угрозы, так и побеждать в локальных конфликтах.

Во-вторых, их структура приведена в соответствие с характером современных войн: гибридных, полувоенных, скоротечных, что позволило проводить высокоточные операции с участием военно-космических сил, морского флота, подразделений специального назначения, достигая цели *с минимальными тратами ресурсов и человеческих жизней*. Открываются возможности применять в военных конфликтах асимметричные методы, как это имело место в Сирии.

В-третьих, существенная часть военных расходов направляется на НИОКР с целью разработки принципиально новых видов техники и вооружений, не имеющих аналогов в мире, способных удерживать потенциальных противников от соблазна нанести безвозмездные удары по территории России. Например, более 50% оборонного бюджета России идет на закупки новейших вооружений и на НИОКР. США и Великобритания тратят на это менее четверти своих военных бюджетов [Kofman, Conolly 2019].

В-четвертых, армия перевооружается современными видами техники и оружия. В настоящее время более 70% техники и вооружений российской армии составляют их современные образцы.

В-пятых, высокий уровень военной мощи поддерживается с использованием минимального объема средств. В России разработаны скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления американской ПРО[3].

Страна обладает серьезным технологическим потенциалом, позволяющим сохранять лидерство в создании эффективных видов оружия в предстоящие годы. Он позволяет приступить к формированию новой программы перевооружения, рассчитанной на период 2024-2033 гг. По новой программе планируется разработка новых систем управления, разведки, связи, средств РЭБ, комплексов противоракетной и противокосмической обороны[4].

По мнению западных аналитиков, Россия выбрала рациональный способ модернизации армии, позволяющий избегать как неподъемных трат, так и гибельного для оборонной отрасли их уменьшения [ibidem]. В итоге Россия выигрывает гонку вооружений, не ввязываясь в нее [Караганов 2019]; и даже ее анемичная, по оценкам этих аналитиков, экономика будет обеспечивать ей на протяжении предстоящих десятилетий военную мощь, вызывающую обеспокоенность США [Kofman, Conolly 2019].

Таким образом, российский опыт показывает, что асимметричное балансирование военной мощи доминирующей державы в современных условиях возможно при условии обладания ее конкурентом передовых военных технологий, сопоставимых с возможностями сверхдержавы. Они позволяют нарастить и поддерживать военную мощь, не соревнуясь с ней в объемах средств, выделяемых на оборону. Такой подход дает возможность поддерживать обороноспособность государства длительное время, достаточное для развития других сфер, прежде всего экономики.

Модернизация армии позволила России превратиться в продвинутую военную державу (*Advanced Military Power*), способную поддерживать свой суверенитет и принуждать противников считаться со своими геополитическими интересами в ключевых регионах мира. При этом развитый оборонно-промышленный комплекс страны не только расходует средства, но и создает десятки тысяч рабочих мест, дает толчок инновационному развитию других сфер общества, обеспечивает прогресс науки и технологий, ускоряет развитие гражданских технологий.

[3] См. Послание Президента Федеральному Собранию. *Президент России,* 01.03.2018. http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (accessed 06.07.2022).

[4] См. Заседание Военно-промышленной комиссии. Глава государства в режиме видеоконференции провёл заседание Военно-промышленной комиссии Российской Федерации. *Президент России,* 10.11.2021. http://kremlin.ru/events/president/news/67093 (accessed 06.07.2022).

Успехи России в модернизации своих вооруженных сил изменили представления западных аналитиков о ее возможностях. Они признают, что Москва получила возможность влиять на международные дела в выгодном для себя направлении. Чем большими военными возможностями Россия будет обладать, тем более наступательной будет ее политика [Renz 2016]. Россия фактически вернула себе статус мировой державы, с которой придется считаться всем государствам, включая США [Katz 2018]. Стратегически реальность такова, что, каким бы неприемлемым ни было поведение России на международной арене, ее невозможно уничтожить без убийственных последствий такого шага для самих США [Allison 2017]. Россия теперь – продвинутая военная держава, обладающая оружием массового разрушения, способная вести кибервойны, войны в космосе [The Importance... 2018].

Изменение Россией обычного порядка обретения статуса мировой державы, естественно, не могло решить всех ее внешних и внутренних проблем. Стратегия асимметричного балансирования военной мощи США и их союзников не является самоцелью. Она – инструмент превращения России в будущем в полноценную мировую державу с развитой экономикой. Эта стратегия не только не противоречит линии встраивания России в мировую экономику, но и способствует интенсификации этого процесса за счет роста ее авторитета в мире, если не сводить мир исключительно к западному сообществу. Являясь одной из крупнейших экономик мира, Россия заинтересована в расширении и углублении торгово-экономических связей с зарубежными странами. Несмотря на западные санкции, пандемию коронавируса, ее товарооборот с ведущими экономиками мира не только не сокращается, но и увеличивается, что свидетельствует об обладании Россией своей ниши в международной торговле, прочной ее встроенности в мирохозяйственные связи. Страна, сильная в военном отношении, может сосредоточиться на продвижении своих экономических и культурных интересов в мире [ibidem].

Для превращения России в мировую военную державу понадобилась комплексная программа модернизации российских вооруженных сил. Для обретения ею статуса полноценной глобальной державы необходима конкретная программа экономического, социального и духовного развития страны, реализация которой создаст достойные условия жизни российским гражданам.

Заключение

Необходимость отстаивания суверенитета, обеспечения своей безопасности предопределили модернизацию вооруженных сил России. Это позволило стране восстановить паритет с Западом в стратегических вооружениях, начать борьбу за новый справедливый многополярный порядок. Военного превосходства Запада над Россией практически больше не существует. В Сирии западные страны наглядно убедились в значительно возросших возможностях российских вооруженных сил [Munich... 2020]. Россия, списанная в 1990-е годы из мирового расклада сил, вернулась на глобальную арену в качестве одного из наиболее крупных геополитических и военных игроков [Trenin 2019].

Несмотря на очевидные достижения России в военной сфере, западные страны отказываются считать ее одной из влиятельных мировых держав. Однако исторический опыт свидетельствует, что складывание многополярного порядка не зависит от чьих-то желаний или нежеланий, а происхо-

дит естественным образом, когда новые центры силы явочным порядком ограничивают властные полномочия супердержавы. Для этого совсем не обязательно, как показывает пример России, сравниваться с ней по уровню экономической мощи. В международной системе продолжают действовать те же законы, что и в предыдущие периоды, когда полюсом силы и влияния становилось государство, военная мощь которого вынуждала другие основные державы считаться с его интересами.

DOI: 10.17976/jpps/2022.05.10

RUSSIA: CHANGING THE USUAL WAY OF ACQUIRING THE STATUS OF A GREAT POWER

Sh.Sh. Shakhalilov[1]

[1] *Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

SHAKHALILOV, Shamansur Shakhalilovich, Dr. Sci. (Hist.), Professor of the Department of Geopolitics of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, email: Timur7628@mail.ru

Shakhalilov, Sh.Sh. (2022). Russia: changing the usual way of acquiring the status of a great power. *Polis. Political Studies,* 5, 137-150. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.10

Received: 06.06.2021. Accepted: 25.03.2022

Abstract. One of the manifestations of the crisis of the liberal order is the emergence of new players seeking too participate in the management of international affairs. This presents a threat to the United States and its allies which risk losing their dominant position in the world. Unwillingly, the Western powers are increasing the pressure on their opponents, using economic sanctions, information attacks, surrounding their territories with military bases. This situation poses a dilemma for Non-western States: either to submit to the pressure of the collective West, or to fight for equal international relations. Russia has chosen the second path. The article substantiates the motives for such a choice, the tools for conducting a sovereign policy, which largely depend on the modernization of the Russian armed forces. It is designed to balance the military power of Western powers, to open up prospects for turning Russia into one of the poles of power and influence in the modern world. Piper reveals the role of military power today, its advantages in comparison with economic opportunities. One-sided assessments of the role of military power, which emerged in the wake of the triumph of liberalism, are subjected to critical analysis. The reasons for Russia's dissatisfaction with the current order and the nature of its differences with the West are revealed. The main of them is that the rules and norms of the current world order close the way for a strong and independent Russia. Attention is drawn to the fundamental change in Russia's usual order of acquiring the status of a world power. Unlike the western experience, which based on economic foundations, it puts in first place military might. The advantages that Russia receives from its military power are shown. The article reveals the meaning of Russia's asymmetric balancing of the military power of the collective West, which consists in achieving this goal with minimal costs. Russia have modernized its armed forces and now can not only guarantee national security, but maintain a strategic balance of power with the West.

Keywords: asymmetric balancing, military power, geopolitical interests, liberal unipolar order, international security, great power, multipolarity, strategic parity.

References

Allison, G. (2017). America and Russia: back to basics. *The National Interest*, 14.08. https://www.nationalinterest.org/feature/america-russia-back-basics-21901?page=show

Brooks, St.G., Wohlforth, W.C. (2016). The rise and fall the great powers in twenty-first century. China's rise and fate of Americas global position. *Quarterly Journal: International Security*, 40(3), 7-53. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00225

Giegerich, B., Childs, N., & Hackett, J. (2018). Military capability and international status. *IISS. Military Balance Blog*, 4.07. https://www.iiss.org/blogs/military-balance/2018/07/military-capability-and-international-status

Ikenberry, G.J. (2005). Power and liberal order: America's postwar world order in transition. *International Relations of the Asia-Pacific,* 5(2), 133-152. https://doi.org/10.193/trap/Ici112

Ikenberry, G.J. (2017). The plot against American foreign policy. Can the Liberal Order Survive? *Foreign Affairs*, 96(3), 2-9. https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/gji3/files/may-june_2017_foreign_affairs.pdf

Ikenberry, G.J. (2018). Why the liberal world order will survive. *Ethics & International Affairs*, 32(1), 17-29. https://doi.org/10.1017/So89267948000072

Ikenberry, G.J., Mastanduno, M., & Wohlforth, W.C. (2009). Introduction: unipolarity, state behavior and systemic consequences. *World Politics*, 61(1), 1-27. https://doi.org/10.1017/S004388710900001X

Inboden, W. (2018). 10 reasons US military strength remains essential. *The Hill*, 23.12. https://thehill.com/opinion/national-security/421970-10-reasons-us-military-strength-remains-essential

Katz, M.N. (2018). Great powers in the twenty-first century. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development,* 10, 122-133. https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/great-powers-in-the-twenty-first-century

Kofman, M. (2018). Great power competition in the 21st century. *Valdai Papers,* 86, 21.06. https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/great-power-competition-in-21st-century

Kofman, M., & Conolly, R. (2019). Why Russian military expenditure is much higher than commonly understood (as is China's)? *War on the Rocks. Texas National Security Review*, 16.12. https://warontherocks.com/2019/12/why-russian-military-expenditure-is-much-higher-than-commonly-understood-as-is-chinas

Lieven, A. (2017). Don't fear the new nationalism. *The National Interest*, 25.06. https://nationalinterest.org/feature/dont-fear-the-new-nationalism-21307

Lo, B. (2015). Russia and the new world disorder. Brookings Institution Press. 342 p.

Mandelbaum, M. (2019). The new containment. Handling Russia, China and Iran. *Foreign Affairs*, 98(2), 123-131. https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment

Mearsheimer, J. (2019). Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International Security*, 43(4), 7-50. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00342

Munich Security Report 2020. (2020). Munich security conference, MSC. 102 p. https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf

Nye, J.S., Jr. (2011). Has economic power replaced military might? *CNN.com*, 06.06. https://www.hks.harvard.edu/publications/has-economic-power-replaced-military-might

Nye, J.S., Jr. (2019). The rise and fall of American hegemony from Wilson to Trump. *International Affairs*, 95(1), 63-80. https://doi.org/10.1093/ia/iiy212

Paul, T.V., Wirtz, J.J., Fortmann, M. (Ed.). (2004). Balance of power. Theory and practice in 21st century. Stanford, CA: Stanford University Press. 400 p.

Renz, B. (2016). Why Russia is reviving its conventional military power. *Parameters: Journal of the US Army War College*, 46(2). https://doi.org/10.55540/0031-1723.2918

Russian strategic intensions. 2019. A strategic multilayer assessment (SMA). White piper. https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2019/05/SMA-Russian-Strategic-Intensions-White-Paper-PDF-compressed.pdf

The importance of military power in 21-st century. (2018). *International Strategic Analysis*, 09.05. https://www.isa-world.com/news/?tx_ttnews%5BbackPid%5D=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=411&cHash=3c3785562e-7d5a836189b87d09c8182e

Trenin, D. (2019). 20 years of Vladimir Putin: how Russian foreign policy has changed. *The Moscow Times*, 27.08. https://www.themoscowtimes.com/2019/08/27/20-years-of-vladimir-putin-how-russian-foreign-policy-has-changed-a67043

Waltz, K. (2000). Structural realism after the Cold War. *International Security*, 25(1), 5-41. http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/Waltz_Structural%20Realism.pdf

Wright, T. (2018). The return to great-power rivalry was inevitable. *The Atlantic*, 12.09. https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/liberal-order-free-world-trump-authoritarianism/569881

Arbatov, A. (2013). Real and imaginary threats. *Russia in Global Affairs,* 11(1), 22-39. (In Russ.) https://globalaffairs.ru/number/ugrosy-realnye-i-mnimye-15863

Barabanov, M.S., Makienko, K.V., & Pukhov, R.N. (2012). Voennaya reforma: na puti k novomu obliku rossiiskoi armii. Analiticheskii doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" [Military reform: on the way to a new image of the Russian army. Analytical report of the Valdai international discussion club]. Moscow: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai". 36 p. (In Russ.) https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voennaya-reforma

Karaganov, S. (2012). Why weapons? *Russia in Global Affairs,* 10(5), 8-22. (In Russ.) https://globalaffairs.ru/articles/zachem-oruzhie

Karaganov, S.A. (2019). Departure of military superiority of the West, and geo-economics. *Polis. Political Studies*, 6, 8-21. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02

Kuvaldin, V. (2021). Globalization and nation-state: yesterday, today, tomorrow. *World Economy and International Relations,* 65(1), 5-13. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13

Mirkin, Ya.M. (2016). Foreign policy in the case of the economy. *Russia in Global Affairs,* 14(1), 8-22. (In Russ.) https://globalaffairs.ru/articles/vneshnya-politika-v-futlyare-ekonomiki

Mironyuk, M., Toloknev, K., & Maltsev, A. (2018). Not so obsolete military power in world politics. *International Trends,* 16(2), 26-48. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2

Shakhalilov, Sh.Sh. (2020). Modern Western studies at the new stage of the world order crisis. *World Economy and International Relations,* 64(4), 96-105. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-96-105

Suchkov, M., & Tehk, S. (2019). Budushchee voiny. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" [The future of war. Report of the Valdai international discussion club]. Moscow: Valdai. 24 p. (In Russ.) https://ru.valdaiclub.com/a/reports/budushchee-voyny

Литература на русском языке

Арбатов А. 2013. Угрозы реальные и мнимые. Военная сила в мировой политике начала XXI века. *Россия в глобальной политике*. Т. 11. № 1. С. 22-39. https://globalaffairs.ru/number/ugrosy-realnye-i-mnimye-15863

Барабанов М.С., Макиенко К.В., Пухов Р.Н. 2012. *Военная реформа: на пути к новому облику российской армии. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай"*. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба "Валдай". 36 с. https://ru.valdaiclub.com/a/reports/voennaya-reforma

Караганов С. 2012. Зачем оружие? *Россия в глобальной политике*. Т. 10. № 5. С. 8-22. https://globalaffairs.ru/articles/zachem-oruzhie

Караганов С.А. 2019. Уход военного превосходства Запада и геоэкономика. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 8-21. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02

Кувалдин В.Б. 2021. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 1. С. 5-13. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13

Миркин Я.М. 2016. Внешняя политика в футляре экономики. *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 1. С. 8-22. https://globalaffairs.ru/articles/vneshnya-politika-v-futlyare-ekonomiki

Миронюк М., Толокнев К., Мальцев А. 2018. Военная мощь в мировой политике. *Международные процессы*. Т. 16. № 2. С. 26-48. https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2

Сучков М., Тэк С. 2019. Будущее войны. *Доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай"*. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба "Валдай". 24 с. https://ru.valdaiclub.com/a/reports/budushchee-voyny

Шахалилов Ш. 2020. Современные западные исследования новой фазы кризиса мирового порядка. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 4. С. 96-105. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-96-105